

УДК 81–112.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-20-29>

Трехчастность языка: системно-функциональные зависимости

Юрий Викторович Кобенко

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
serpentis@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2940-2233>

Аннотация

Статья посвящена описанию устройства языка с позиций структурно-системной и функциональной лингвистики. Предлагается различать систему, функцию и свод правил, совокупно обеспечивающих коммуникативную пригодность языка: элементы словарных множеств комбинируются в речи по определенным правилам с целью создания новых выразительных средств. Системный полюс языка является статичным и стереотипным: в его составе выделяются словарные элементы, структурированные гипо-, гиперонимическим способами. Область гиперонимии указывает на сгущение семантического признака в ядре словарного множества, а гипонимия – на его рассеивание к периферии, где наблюдается зона нахлеста с другими тематически родственными полями. Гипонимы уточняют общее значение гиперонима и представляют собой древовидное ветвление (ризому), образующую ономасиологическую структуру поля. Система определяется по формуле $L = A + S$, где L (langue – система), A – ограниченное словарное множество (символ математической логики) и S – структурная организация привходящих элементов. Функциональный полюс языка динамичен и обладает собственной структурой, выстраиваемой в логике агрегации (от меньшего к большему): выразительные средства укрупняются до регистров экспрессивно-семантической окраски, регистры образуют жанры, жанры встраиваются в стили и функциональные стили, чей «пятилистник» составляет функциональный репертуар языка. Разновидности репертуара определяются различного рода ограничениями, связанными с варьированием языка: социальными (акролекты, базилекты, металекты), территориальными (диалекты, койне), профессиональными (социолекты, профессиолекты) и историческими (историолекты, адстраты). Функция находится по формуле $\{E\}A_1 U$ (математический оператор объединения) $\{E\}A_2 =$ выразительное средство. Речевое комбинирование выразительных средств, повышающих аппликативность языка, осуществляется в соответствии с правилами, которые структурируются не только по уровням (ярусам) языка (фонетическому, морфологическому, лексическому и синтаксическому), но и сообразно с риторическими (стилистическими) и pragmatическими схемами композиции средств. В силу этого предлагается отказаться от отжившего термина «грамматика» и заменить его более пригодным – «правила языка». Полученные выводы могут быть использованы как для сугубо теоретических нужд, так и в практике преподавания и организации языковой подготовки.

Ключевые слова: устройство языка, структура, система, функция, грамматика, правило, словарное множество, элементы, речевое комбинирование.

Для цитирования: Кобенко Ю.В. Трехчастность языка: системно-функциональные зависимости // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 20–29.
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-20-29>

Tripartite nature of language: systemic and functional dependencies

Yuriy V. Kobenko

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
serpentis@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2940-2233>

Abstract

The article is devoted to the description of the language structure from the standpoint of structural-systemic and functional linguistics. It is proposed to distinguish between the system, function and set of rules that collectively ensure the communicative suitability of the language: elements of vocabulary sets are combined in speech according to certain rules in order to create new expressive means. The systemic pole of the language is static and stereotypical: it includes vocabulary elements structured in a hypo-hyperonymic way. The area of hyperonymy indicates the condensation of the semantic feature in the core of the vocabulary set, and hyponymy indicates its dispersion to the periphery, where there is a zone of overlap with other thematically related fields. Hyponyms clarify the general meaning of the hypernym and represent a tree-like branching (rhizome) that forms the onomasiological structure of the field. The system is determined by the formula $L = A + S$, where L (langue – system), A is a limited vocabulary set (symbol of mathematical logic) and S is the structural organization of the incoming elements. The functional pole of language is dynamic and has its own structure, built in the logic of aggregation (from smaller to larger): expressive means are en-

larged to registers of expressive-semantic coloring, registers form genres, genres are built into styles and functional styles, whose 'five-petal' makes up the functional repertoire of language. The varieties of repertoire are determined by various kinds of restrictions associated with the variation of language: social (acrolects, basilects, metalects), territorial (dialects, koine), professional (sociolects, professiolects) and historical (historiolects, adstrates). The function is found by the formula $\{E\}A1\ U$ (mathematical operator of unification) $\{E\}A2 =$ expressive means. Speech combination of expressive means that increase the applicability of language is carried out in accordance with the rules that are structured not only by the levels (tiers) of language (phonetic, morphological, lexical and syntactic), but also in accordance with the rhetorical (stylistic) and pragmatic schemes of the composition of means. Due to this, it is proposed to abandon the obsolete term 'grammar' and replace it with more appropriate 'rules of language'. The findings can be used both for purely theoretical needs and in the practice of teaching and organizing language training.

Keywords: language composition, structure, system, function, grammar, rule, vocabulary set, elements, speech combination

For citation: Kobenko Yu.V. Tryokhchastnost' yazyka: sistemno-funktional'nyye zavisimosti [Tripartite nature of language: systemic and functional dependencies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 20–29 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-20-29>

Введение

Проблема устройства языка, занимавшая умы крупнейших лингвистов все ушедшее столетие, в исследованиях последнего времени заметно отошла на второй план, уступив центральную позицию вопросам функционального и прикладного свойства, среди которых наиболее существенными по-прежнему признаются аспекты так называемой психолингвистической природы. Вряд ли смещенный фокус внимания вызван тем обстоятельством, что главенствующий на лингвистическом поприще без малого 70 лет постструктурализм решил указанную проблему для всех заинтересованных сторон, тем самым оправдав свое методологическое и попутно статистическое верховенство. Еще более сомнительной видится расхожая практика укрупнения границ объекта исследования с нахлестом на области антропологии и нейрофизиологии, давшие весьма неожиданно для всего языковедческого цеха больше научной новизны, нежели все постструктурлистские изыскания этого тысячелетия. Необходимо отметить, что экзерсисы такого рода могут удовлетворить любопытство лишь досужих читателей научной периодики, но не исследователей-теоретиков, находящихся в поиске ответов на фундаментальные вопросы языкоznания. На этом фоне честные, подвижнические попытки отдельных аспирантов, невольно ставших в постиндустриальном обществе «свободного» рынка авангардом научной деятельности, рассеять многовековой туман в предложенной проблематике вызывают гораздо больше доверия, нежели многоголосый хор кандидатов и докторов наук, навязчиво и бездоказательно утверждающих, что язык существует то в невесомой «картине мира», то в «ментальном пространстве» отдельного пользователя, а то и вовсе в неизвестном нейрофизиологам «языковом сознании». Собственно, практики отождествления себя с антропологами

и другими представителями эволюционизма потому так и популярны, что позволяют хоть как-то замаскировать колоссальную брешь в научной новизне, коллективно декларируемой постструктуралистами весь указанный отрезок существования данной научнообразной религии. Понимая ее унитаристские притязания на статус эпистемологической моноосновы всего языкоznания, позволим себе представить собственное понимание устройства языка на фундаменте системно-структурной и функциональной традиций лингвистики, отличающихся предпочтительной доказательностью выводов и положений.

Материал и методы

Основанием для избранной методологической платформы рассуждений выступает познание о том, что вопросы, касающиеся языка, лишены свойств эмергентности, как это обстоит, положим, с нейронами, и могут быть без потери смысла освещены в интралингвистическом ключе при исключении данных экстралингвистического толка. Безусловно, обратную опцию можно использовать и в качестве доказательства того, что интралингвистический ракурс сам по себе достаточен, но не как повод для расширения объекта, дающий якобы более обширную языковую фактуру. Следует подчеркнуть, что последнее выступает главным заблуждением постструктурлистов в вопросах так называемой холистичности описания признака *loquens* у представителей рода *homo* и выражается в культе «антропоцентризма», исповедуемом сегодня практически всеми авторами диссертаций в области филологических наук. Во-первых, любые обследования указанного признака с акцентом на гоминидной эволюции целиком и полностью отходят в ветчину антропологии, обладающей собственным научным и достаточно сложным аппаратом, не тождественным языковедческому. Это не значит,

что у языкоznания не может быть валидного нексуса с антропологией [1, с. 675], который бы обеспечивал прирост оперативной научной информации, но это и не значит также, что получаемый результат следует интерпретировать исключительно в языковом (или теориязыковом), а не антропологическом ключе при условии соблюдения строгости всех методических процедур. Во-вторых, описание свойств паразита через его влияние на организм-донор, или, в английской терминологии, *host*, выглядит вынужденной, но не фундированной стратегией, что, в частности, доказывает небезопасность выхода в экстралингвистическую плоскость. Паразиты, безусловно, используют человека для репликации в среде [2, с. 113], формируя в его голове индивидуальную автокопию [3, с. 3], но может ли это помочь выявить объективное устройство самого языка? Отрицательный ответ на данный вопрос позволяет достичь сразу двух результатов: во-первых, отсечь за ненадобностью фактуру экстрапорядка, тем самым наведя на мысль, что оставшиеся за ней сведения только мешают точности выводов; а во-вторых, недвусмысленно очертить границы самой проблемы, пролегающей, таким образом, в области интралингвистики, что и требовалось доказать.

Для чего же важно понимать, как устроен язык, как он функционирует и почему он жив? Ответ на эти сложные вопросы достаточно прост: как инженер, занимающийся отладкой определенного агрегата, должен разбираться в его устройстве, так и лингвист, рассуждающий о природе языка, должен понимать его существенные композиционные свойства. Вряд ли к агрегату допустят инженера, который не знаком с его устройством. По этой же причине не следует доверять и тем, кто, не понимая устройство языка, позволяет себе делать выводы о его структуре и функционировании.

Результаты и обсуждение

Древние представляли себе каталог языка в неразрывной связи с обозначаемыми вещами, доказательством чему служат старые термины *logos* (др.-греч. λόγος – «слово, дело, значение, разум») [4, с. 766–767] и «речь» (ст.-слав. *rъчь* – «слово, язык, вещь») [5, с. 478]. Продолжительное господство логистицизма в вопросах интерпретации туманной природы языка усиливает подозрение в том, что слова как ярлыки мыслей не отделялись от последних. Логика как первая наука о языке положила начало длительному периоду в истории лингвистических учений, когда любые речевые структуры трактовались через композиционную правильность, мыслительную

шаблонность и жанровую заданность. Грамматикализм в языкоznании, берущий свое начало еще в античном мире, стигматизирует семантические категории как составляющие системы, не выводя их за рамки самой системы языка. Именно поэтому изучающие язык через грамматику традиционно испытывают значительные лексические дефициты и не владеют всем спектром функциональных особенностей языка. Правило подается гувернантками (отсюда название метода) как ключ к овладению речью, однако факт «зарожденности» словами как элемент погружения в говорящую среду, или эффект подражания [6, с. 382], либо не учитывается вовсе, либо попросту замалчивается как несущественный. С приходом на лингвистическую арену функционализма (в первую очередь в его западной традиции) правило уступает место роли, однако не лишает восприятие языка схематичности и в известной мере шаблонности, присущих пражской, женевской и позже льежской школам: на первые позиции выходят вопросы порождения и организации речи, в то время как система – не всегда безосновательно – подается как производная функции [7, с. 42]. Обобщение накопленного опыта фундаментальной советской лингвистикой позволяет прийти к пониманию того, что в природе языка участвуют не две составляющие, как тому учит соссюрианство (даже со скидкой на подмену функции способностью *langage*), а как минимум три: система, функция и правила.

1. Система языка

Изобретение письменности позволило отделить язык от конкретного носителя и подспудно стало очередной важной победой неокортекса (социального мозга) над лимбической системой (инстинктивно-гормональным субстратом): обладая пусть и небольшим набором навыков письменной речи, любой носитель сознания отныне мог получить опыт другого, давно умершего носителя уникальных свойств мозга [8, с. 134–135]. В эволюционной цепи «невербальная (жестовая) речь → устная речь → письменная речь → осмысленная речь» человечество сделало значимый шаг к переносу речи в следующее поколение внегеномным путем. Будучи первой виртуальной системой, объединяющей всех особей популяции, язык перешел в качественно новое состояние коллективного интеллекта, осуществив давнюю мечту человека о безбарьерном общении и преодолении тягостных пространственно-временных ограничений [9, с. 184]. Такое надречевое и во многом искусственное состояние языка позволило объективировать в нем полезные гранулы накопленного языкового опыта.

та – элементы, или единицы, между которыми в процессе коллективного пользования появились ростки полевой структуры. Сумма элементов и их структурных свойств дает очертания готовой системы по следующей формуле: $L = S + A$, где L – *langue* (система), S – структура, A – ограниченное множество элементов (логический символ) [10, с. 37]. Собственно, обнаружить за речью разных пользователей некий общий паноптикум языковых ярлыков не составляет труда: в этом могут помочь такие хорошо известные признаки системы, как наличие более одного элемента, связь всех элементов и, наконец, упомянутая выше эмергентность как свойство системы, не присущее каждому из ее элементов по отдельности (например, сознание как коллективный продукт деятельности нейронов). Однако одним из весьма неожиданных признаков системы языка становится ее *невидимость*, значительно затрудняющая, во-первых, ее обнаружение, а во-вторых, описание. Последнее дается лингвистам наиболее сложно, поскольку напоминает попытку описать устройство музыкального инструмента лишь по его звучанию: хорошо, если этот инструмент известен и его структура стереотипна, как, положим, у скрипки. Но что делать, если инструмент-язык совершенно чужой, как, к примеру, органистр, колесная арфа или серпант?

К счастью для рядовых пользователей языка, не подозревающих о проблемах теоретической лингвистики, все языковые системы обладают более или менее схожей структурой, которую можно обозначить гипо-гиперонимической: в центре, или ядре, полевой структуры наблюдается максимальная концентрация определенного семантического признака, который рассеивается к периферии [7, с. 16]. Ядром, как правило, выступает один элемент, обозначаемый гиперонимом, которому подчиняются гипонимы, содержащие обычно отдельные признаки (отсюда синоним гипонимии – детализация). Гипонимы одного уровня называются когипонимами (*брать, сестра; ложка, вилка*). Древовидное ветвление структуры поля зависит от количества элементов и обозначается термином «ризома» (гр. *ρίζωμα* – «корневище») [7, с. 17]. Полевая структура находится по формуле, приведенной выше, и понимается как разность системы и числа привходящих элементов: $S = L - A$. С точки зрения методологии словарное множество является базовым (несущим) элементом данной трехчастности, а структурное расположение единиц определяется эмпирически путем выведения индекса: к примеру, если элемент встречается во всех ста тематически очерченных контекстах (индекс 1,0), то он занимает ядерную (гиперонимическую) пози-

цию; далее в зависимости от убывания индексного показателя выводится центральная область (0,9–0,8) с последующим рассеиванием признака к периферии (0,7–0,1), где располагаются элементы смежных полей (зона нахлеста). Различение ближней и дальней периферии обусловлено сложностью структуры того или иного поля и количеством таких нахлестов, т. е. семантической родственностью полей (*университет, учеба, библиотека*).

При всей плодовитости постструктурализма лингвисты по-прежнему пользуются двумя классическими способами описания структуры полей: семасио- и ономасиологическим. Семасиология – раздел семантики, изучающий эволюцию значений, а ономасиология – эволюцию форм (названий) [11, с. 16–17]. Семасиология отвечает на вопрос «что значит?», а ономасиология – «как называется?»: в первом случае мы имеем теорию значения, а во втором – теорию номинации. Применительно к системе языка оба способа предполагают противоположные подходы к описанию, исходя из той или иной ипостаси языкового знака: семасиологический – от известной формы к неизвестному содержанию; ономасиологический – от известного содержания к неизвестной форме. Семасиологический способ является поисковым и гибридно используется даже при ономасиологической иллюстрации словарного состава для быстрого обнаружения искомого элемента (под нужным номером). Этот способ структурирования словарей на алфавитной (или реже – силлабической) основе больше напоминает инвентаризацию элементов системы, нежели ее структурирование, и является искусственным. Ономасиологические словари редки и поэтому пользуются повышенным спросом: в них элементы упорядочены по полям, или темам, упрощающим в силу своей естественности знакомство с вокабуляром. Именно так изучаются иностранные языки и пишутся соответствующие учебники.

Существуют и другие способы описания языковых систем, среди которых особо выделяются два: по исконности и нормативной освоенности лексического состава. Данные способы дополняют друг друга, не отрицая валидности предыдущих. Словарная система целиком повторяет структуру отдельного поля: в ядерной, самой старой сфере, единящей язык с его праформами и обеспечивающей генетическую принадлежность языка к определенной группе или ветви, сосредоточен исконный состав – очень старые слова, которые пережили не одно поколение говорящих, ср. в русском: *терем, остов, межа*, в английском: *craft, nest, state*; в немецком: *das Amt, der*

Stall, die Burg. Следует подчеркнуть, что малые, или индигенные, формы языка редко перерастают ядерный состав, и, по тому, что они, как правило, не переходят границу в 4 тыс. слов, можно судить о среднестатистическом количестве исконных слов в литературном языке как более поздней и жизнеспособной исторической формации. Следовательно, границы ядерного состава идентичны границам этноса, не практикующего коммуникацию за пределами территории своего распространения. По мере расширения связей языкового коллектива вокруг ядерного состава нарастает дополнительный, или, на жаргоне лингвистов, «кольцо Сатурна»: его образует высокоассимилированная лексика, заимствованная из контактирующих языков. Зачастую такие слова достаточно сложно отличить от исконных, однако «разоблачить» их помогает нахождение этиона в языке-доноре, ср. форму *стамеска* в русском языке, восходящую к немецкому *das Stemmeisen*. У старописьменных языков европейского ареала с высокой коммуникативной мощностью (количеством говорящих) дополнительный состав кратно превышает исконный. Это вызвано обилием, интенсивностью и продолжительностью языковых контактов, нередко ставящих под угрозу генетическую принадлежность самого языка-реципиента. У языков с экзоглоссным генезом, т. е. развивающихся благодаря заимствованиям, к каким относятся практически все идиомы западногерманского ареала, при внимательном рассмотрении можно поставить под вопрос правомерность использования самого термина «исконный». Так, якобы исконные немецкие слова *Mauer, Kloster* и *Straße* происходят от латинизмов *murus, claustrum* и *strata*, а нациеобразующее слово *deutsch* из соображений политической корректности современники относят к древневерхненемецким словам *diutisc* и *diot(a)*, хотя более вероятной представляется версия его позднего происхождения из византийского *tidesk* или вестфальско-романского *thiudisk* (пренебрежительно: «неримский», «тевтонский») во времена Отто Великого (Х в. н. э.) [12]. Развитие промышленности и последующая индустриализация оставили отпечаток на словарном составе многих языков в виде «лепестков» специальной лексики, захватывающих частично ядерный и дополнительный составы. Здесь степень насыщенности слабоассимилированной заимствованной лексикой самая высокая в системе, а нормативность – самая низкая. Последнее обусловливает наличие у специальных единиц такого признака, как формальная вариантность – морфологическая, орфографическая и орфоэпическая. Нормативность и вариантность – обратно

пропорциональные параметры такого рода элементов системы: чем ниже нормативная освоенность, тем неустойчивее их формальный контур и наоборот. «Лепестки» социо- и профессиолектов сосредоточены на периферии словарной системы, где они, так сказать, могут избежать строгости норм, давящих преимущественно на ядерные слои состава. Однако в русле кодификации можно наблюдать такое явление, как детерминологизацию, вызывающую не только дрейф лексики с периферии в центр, но и ускоряющую процессы неологизации и архаизации отдельных ее слов. Возвращаясь к семасиологии, необходимо добавить, что способов представления системы существует не меньше, чем способов ее описания. Наиболее популярными считаются графы и матрицы компонентной семантики, для чего в современном мире используется семограф [13, с. 276]: вершины графов кластеризируют лексико-семантические группы внутри самого поля, делая их разновеликими, что, в частности, может достигаться за счет их различной колоризации, а компонентные матрицы статистически выявляют дифференциальные семы у сопоставляемых элементов словарных множеств, к примеру «пол» (+) у слов *брать* и *сестра*.

2. Функция языка

Если система языка является виртуальным образованием, скрытым от глаз пользователей, то функция объективирует ту самую реальность, о которой Э. Геллнер заметил следующее: «Ошибочно предполагать, что язык достраивает внешнюю действительность, – он создает свою собственную» [14, с. 42]. Функция выступает единственной реальностью языка, в которую погружены говорящие, что зачастую приводит к отрицанию существования системы по принципу: невидима, следовательно, не существует. Дабы исключить всевозможные параллели между описанием системы и софизмом (учением о первичности духовного как отправной точки постструктурализма), а также все вытекающие отсюда заблуждения, отметим, что бытие системы языка легко выводится из фактических наблюдений за речью, что необязательно справедливо в отношении других теоретических или умозрительных конструктов. Итак, языковая реальность (по образцу нем. *Sprachwirklichkeit*) находится целиком в ведении функции и поэтому повинна в том, что в ее координатах расположена самая большая свалка лингвистических теорий и подходов, безусловное лидерство среди которых принадлежит постструктурристской «дискурсологии», приписывающей функциональной природе системные свойства и наобо-

рот. Функциональный детерминизм системы невозможно отрицать, как и то обстоятельство, что у любого ее элемента есть своя роль, т. е. функциональный каркас в речи. Однако салонная практика «растаскивания» кусков системы на функциональные островки вроде «дискурса политики», «дискурса моды», «дискурса погоды» и тому подобного заслуживает самой ожесточенной критики по причине неправомерного смешения не только системы и функции, которые, как явствует из рассуждений, типологически неоднородны, но и их качественных и количественных признаков [7, с. 48].

Чем же отличается функция от речи? Речь в довольно растиражированной трактовке американского дискриптивиста Л. Блумфилда – «шум, порождаемый органами речи» [15, с. 31]; речь всегда индивидуальна, хотя и имеет коллективное представительство в среде говорящих. Она обладает физическими параметрами: тембральностью, протяженностью, громкостью и т. д. и выступает симптомом «зараженности» человека тем или иным языком в определенной разновидности человеческой среды обитания (русской, французской, немецкой и т. д.). В привычном смысле слова функция языка лучше всего понимается через термин «назначение»: назначение языка в среде – скреплять популяцию, информировать, создавать контакты, замещать поведение, выражать мысли, умонастроения, эмоции [16, с. 125] и т. д. У системы и ее элементов различные функции, но они служат общей задаче обеспечения коммуникативной пригодности системы как каталога ярлыков, находящегося в коллективном пользовании. Функция не равна функционированию, поскольку функционировать может и отдельное слово, а сам язык при этом может быть мертвым. Функционирование подразумевает главным образом реализацию языком своего средового назначения, ср.: «язык функционирует в качестве иностранного металекта в таком-то регионе».

Говоря о функции элементов системы, следует понимать под этим наличие у них функциональных признаков или пригодности к функционированию, в противном случае такие элементы были бы замещены имплементативно более пригодными. Если в речи такие элементы могут появляться по усмотрению говорящего, т. е. субъективно, то их функциональность следует признать объективным качеством.

Достаточно хлесткой экземплификацией природы языковой функции здесь может служить сравнение системы с электрической лампочкой: композиция лампочки стандартна и включает цоколь, нить накаливания и грушевидную об-

ложку из стекла, а функция представляется светом, который производят указанные элементы системы лампочки для решения задач освещения. При этом свет, как и разновидность языка, может быть различным (синим, желтым, красным и др.), а компоновка (структура) элементов остается неизменной (общей для такого рода приборов). Следовательно, от системы функция отличается в первую очередь характером проявления, однако главное их отличие определяется разнородностью структуры (т. е. того, что упускают из вида «дискурсологию»). Если структура системы находится по формуле $S = L - A$, то структура функционального полюса языка кристаллизуется в его так называемом *функциональном репертуаре*.

Функциональной репертуар представляет собой совокупность выразительных возможностей системы, направленных на реализацию экспрессивной функции, которая гораздо старше самого языка [7, с. 23, 253]. Структура репертуара носит характер агрегации (укрупнения) и выстраивается следующим образом (от меньшего к большему): выразительные средства («строительные каемушки» репертуара) объединяются в регистры по характеру экспрессивно-семантической окраски; регистры образуют жанры (подложки текстов, фр. *genre* → лат. *genus* – «род», род текстов); жанры, свойственные определенной сфере коммуникации, формируют стили как единства языка и сферы его использования; стили укрупняются до функциональных стилей, соответствующих пяти крупным сферам использования литературного языка (публичной, научной, деловой, бытовой и образно-художественной); а «пятилистник» стилей составляет в итоге функциональный репертуар [7, с. 34].

Как можно видеть, описание функционального аспекта языкового устройства неотделим от теории литературного языка, которой тоже по приведенным выше соображениям уделяется все меньше внимания на фоне разрастания стереидного монстра постструктурализма. Очевидно, что структура функционального репертуара у литературных языков современности, по крайней мере в пределах европейского ареала, будет обнаруживать значительный аффинитет, что очередной раз доказывает значимость предпринятого исследования.

Если система, подобно устройству лампочки, сохраняет свою структурную тождественность от языка к языку, то разновидностей репертуара, как производимого света, великое множество, и определяется оно различного рода ограничениями, связанными с разнообразным варьированием языка, который, как известно, не существует монолитно. *Социальные ограничения* порождают

акролекты (языки знати) [17, с. 120], базилекты (языки площади), мезолекты (языки торговцев, снабжающих оружием и тех, и других), металекты (престижные импортированные языки), жаргоны, арго и всевозможные криптолекты, пользователи которых реализуют дезинтегративную функцию языка как противоположность интегративной. Производными *территориальных* ограничений становятся диалекты, региональные и городские койне (по примеру греческой колонии Соли); *профессиональных* ограничений – социо- и профессиолекты [18, с. 171], а *временных* – историолекты и отчасти заимствованные адстраты.

3. Правила языка

Между системой и функцией пролегает свод правил использования языка – своего рода инструкция по комбинированию элементов системы в речи. Речевое комбинирование подчинено экспрессивным задачам коммуникации [19, с. 104] и схематично выглядит следующим образом: элемент словарного множества A_1 комбинируется с элементом словарного множества A_2 , ср.: $\{E\}A_1 \cup$ (математический оператор объединения) $\{E\}A_2 =$ выразительное средство. В качестве примера можно привести комбинацию элемента «царь» множества «Правители» и элемента «пушка» множества «Оружие» = царь-пушка (гипербола). Подобным образом элементы множеств отбираются в речь, где становятся ходовыми выражениями, чтобы после снова отправиться в систему уже в статусе комбинированных единиц. Так образуется фразеопаремиологический фонд языка (клише), элементы которого характеризуются комплексностью, устойчивостью и идиоматичностью [7, с. 80]. Отбор единиц осуществляется в соответствии с правилами языка, которые бывают не только грамматическими: различают (не только сообразно с уровнями, или ярусами, языковой системы) также фонетические, прагматические, стилистические (риторические). Грамматика, традиционно включающая морфологию (словообразование) и синтаксис, не может охватить весь свод правил речевого комбинирования [7, с. 250], в связи с чем от термина «грамматика» мы предлагаем отказаться. Он появился в античности, вошел в обиход благодаря трудам Протагора, в которых категории еще трактовались как часть системы языка (инструкция никогда не является частью механизма), и используется по сей день по инерции в значении «инструктирующее правило», ср. также исторические грамматики Ф. Боппа и Панини [20, с. 13, 33]. Термин «правила языка» представляется более точным и с тем же доста-

точно объемным для обобщения срединной ипостаси языка, находящейся между системой и функцией.

Заключение

Вышеизложенные соображения позволяют резюмировать следующее.

1. Словарная система сама по себе статична, динамичной ее делает функционирование, выступающее основой для самоорганизации языка [21, с. 136]. Язык хранит в системе тщательно отобранные и аппликативные элементы, которые преобразуются пользователями в востребованные выразительные средства путем их речевого комбинирования по определенным правилам. Данный механизм языка обеспечивает коммуникативную пригодность системы и проводит четкую границу между признаками живого и мертвого языка, для чего прежде приводились доводы преимущественно экстралингвистического порядка.

2. Живой язык становится источником неограниченного количества речевых комбинаций; соотношение элементов языка и выразительных средств можно проиллюстрировать на примере нот, которых всего семь в сравнении с бесконечным числом музыкальных композиций. Сложно представить себе, насколько велик функциональный полюс такого литературного языка, как русский, в сокровищнице которого лексикографы фиксируют сотни тысяч слов и словосочетаний.

3. Очевидно, что количественное соотношение свода комбинаторных правил и словарного фонда языка обнаруживает обратную зависимость: чем грамматикализованнее переход от системы к функции (чем сложнее и притязательнее комбинационная «фильтрация»), тем меньше выразительных средств пребывает в обороте; чем компактнее и проще правила, тем больше число свободных речевых комбинаций в арсенале языка.

4. Системный уклон исследований всегда синхронный, ибо систему можно наблюдать только в определенный промежуток (срез) времени, а функциональный уклон – диахронный, поскольку имплицирует процесс отбора средств для нужд коммуникации [11, с. 16–17]. При этом не существует понятия «диахронная речь», в чем усматривается давление системных свойств языка, обеспечивающих востребованность отобранных ресурсов.

5. Познание трехчастности языка имеет самые далеко идущие последствия для преподавания иностранных языков и лингводидактики. Прежние подходы к обучению с разделением всего

цикла дисциплин на фонетику, лексику и грамматику представляются реликтами клерикальной схоластики и позднее – ее прусской традиции, связанной с деятельностью министра образования А. фон Гумбольдта [22, с. 40–49]. Логичнее разделить дисциплины на системные, функциональные и посвященные комбинаторным правилам: на занятиях системного цикла уместно знакомить обучающихся с элементами словарных множеств и руководить словарной работой; функциональный цикл, требующий гораздо

больших инвестиций времени, следует отвести под ознакомление с функциональным репертуаром, для чего понадобится не один год подготовки, а в разделе правил целесообразно изучать способы и схемы разноуровневого комбинирования словарных элементов в речи. Безусловно, такой подход будет предполагать коренные преобразования в системе подготовки лингвистических кадров, однако, на наш взгляд, необходимость его апробации и имплементации давно назрела.

Список источников

1. Hockett Ch. *Man's Place in Nature*. New York: McGraw-Hill, 1973. 739 p.
2. Deacon T.W. *The Symbolic Species: the Co-evolution of Language and the Brain*. New York: W.W. Norton, 1998. 528 p.
3. Kortlandt F. *The Origin and Nature of the Linguistic Parasite* // *Language in time and space*. Berlin: Mouton, 2003. P. 241–244.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб.: самиздат, 1899. 1371 с.
5. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: (Муза – Сят)*. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
6. Van Driem G. *The Origin of Language: Symbiosis and Symbiomism* // *Hot Pursuit of Language in Prehistory*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 381–400.
7. Кобенко Ю.В. Теоретические основы функциональной стилистики. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2023. 296 с.
8. Савельев С.В. Морфология сознания: в 2 т. М.: ВЕДИ, 2021. Т. 2. 208 с.
9. Кобенко Ю.В. Аспекты медийной коммуникации в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. 20 (1). С. 183–190. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.111>
10. Савицкий В.М., Доладова О.В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 35–44.
11. Schweikle G. *Germanisch-deutsche Sprachgeschichte im Überblick*. 5. Aufl. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2002. 283 S.
12. Die Deutschen. Folge 01: Otto und das Reich // ZDF. URL: <https://www.zdf.de/video/dokus/die-deutschen-140/otto-und-das-reich-100> (дата обращения: 30.03.2025).
13. Belousov K.I., Taleski A., Ryabinin K.V., Boronnikova N.V. The impact of communicative parameters on the speaker's spatial orientation in virtual reality // *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024. 21 (1). P. 269–287. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.114>
14. Геллнер Э. *Слова и вещи*. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 344 с.
15. Аллатов В. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 253 с.
16. Воробьева Е.Н. Экспрессивная функция языка: системный обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 1. С. 119–126.
17. Скрипичникова Н.С. Функционирование единиц устной профессиональной коммуникации сотрудников правоохранительных органов в языке СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 22 (313). Вып. 81. С. 170–173.
18. Галактионов С.С. Новокаледонский вариант французского языка: предпосылки возникновения и исследовательские перспективы // Естественные языки на автохтонных территориях и за их пределами / отв. ред. Е.О. Опарина, М.Б. Раренко. М.: ИИОН РАН, 2024. С. 112–128.
19. Матыцина М.С. Комбинаторика средств языка при выражении зависти и ревности (на материале английской разговорной речи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26): в 2 ч. Ч. I. С. 102–105.
20. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
21. Козлова Л.А. Взаимодействие факторов энтропии и аналогии в их проекции на языковые изменения // Доклады Башкирского университета. 2024. Т. 9. № 3. С. 130–137. doi: 10.33184/dokbsu-2024.3.16
22. Precht R. *Anna, die Schule und der liebe Gott. Der Verrat des Bildungssystems an unseren Kindern*. München: W. Goldmann, 2013. 351 S.

References

1. Hockett Ch. *Man's Place in Nature*. New York, McGraw-Hill, 1973. 739 p.
2. Deacon T.W. *The Symbolic Species: the Co-evolution of Language and the Brain*. New York, W.W. Norton, 1998. 528 p.
3. Kortlandt F. The Origin and Nature of the Linguistic Parasite. *Language in time and space*. Berlin, Mouton, 2003. Pp. 241–244.
4. Weisman A.D. *Grechesko-russkiy slovar'* [Greek-Russian dictionary]. Saint Petersburg, samizdat, 1899. 1371 p. (in Russian).
5. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3 (Muza – Syat)* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 3 (Muse – Syat)]. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p. (in Russian).
6. Van Driem G. The Origin of Language: Symbiosis and Symbiomism. *Hot Pursuit of Language in Prehistory*. Amsterdam, John Benjamins, 2008. P. 381–400.
7. Kobenko Yu.V. *Teoreticheskiye osnovy funktsional'noy stilistiki* [Theoretical bases of functional stylistics]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2023. 296 p. (in Russian).
8. Saveliev S.V. *Morfologiya soznaniya: v 2 t. T. 2* [Morphology of consciousness. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, VEDI Publ., 2021. 208 p. (in Russian).
9. Kobenko Yu.V. Aspeky mediynoy kommunikatsii v sotsial'nykh setyakh [Aspects of media communication in social networks]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2023, 20 (1), pp. 183–190. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.111> (in Russian).
10. Savitsky V.M., Doladova O.V. O protivorechiyakh vo vzglyadakh na sistemnost' yazyka [On contradictions in views on the systematicity of language]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal – The World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*, 2017, no. 1, pp. 35–44 (in Russian).
11. Schweikle G. *An Overview of Germanic-German Language History*. Stuttgart, Weimar, J. B. Metzler, 2002. 283 p.
12. The German. Episode 01: Otto und the Empire. ZDF. URL: <https://www.zdf.de/video/dokus/die-deutschen-140/otto-und-das-reich-100> (accessed 30 March 2025).
13. Belousov K.I., Taleski A., Ryabinin K.V., Boronnikova N.V. The impact of communicative parameters on the speaker's spatial orientation in virtual reality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2024, no. 21 (1), pp. 269–287. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.114>
14. Gellner E. *Slova i veshchi* [Words and Things]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literature Publ., 1962. 344 p. (in Russian).
15. Alpatov V. *Yazykoznanie: Ot Aristotelya do komp'yuternoy lingvistiki* [Linguistics: From Aristotle to Computational Linguistics]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2018. 253 p. (in Russian).
16. Vorobyova E.N. Ekspressivnaya funktsiya yazyka: sistemnyy obzor [Expressive function of language: a systemic review]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2023, vol. 16, issue 1, pp. 119–126 (in Russian).
17. Skripichnikova N.S. Funktsionirovaniye yediniti ustnoy professional'noy kommunikatsii sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov v yazyke SMI [Functioning of units of oral professional communication of law enforcement officers in the language of the media]. *Vesnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye – Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism*, 2013, no. 22 (313), issue 81, pp. 170–173 (in Russian).
18. Galaktionov S.S. Novokaledonskiy variant frantsuzskogo yazyka: predposylki vozniknoveniya i issledovatel'skiye perspektivy [New Caledonian French: Prerequisites for its Emergence and Research Prospects]. *Estestvennyye yazyki na avtokhtonnykh territoriyakh i za ikh predelami* [Natural Languages in Autochthonous Territories and Beyond]. Eds. E.O. Oparina, M.B. Rarenko. Moscow, INION RAN Publ., 2024. Pp. 112–128 (in Russian).
19. Matysina M.S. Kombinatorika sredstv yazyka pri vyrazhenii zavisti i revnosti (na materiale angliyskoy razgovornoy rechi) [Combinatorics of language means in expressing envy and jealousy (based on English colloquial speech)]. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 2013, no. 8 (26): in 2 parts, part I, pp. 102–105 (in Russian).
20. Ivanov V.V. *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004. 208 p. (in Russian).
21. Kozlova L.A. Vzaimodeystviye faktorov entropii i analogii v ikh proyektsii na yazykovyye izmeneniya [Interaction of entropy and analogy factors in their projection on language changes]. *Reports of the Bashkir University*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 130–137 (in Russian). DOI: 10.33184/dokbsu-2024.3.16
22. Precht R. *Anna, the School and the Good Lord. The Education System's Betrayal of Our Children*. Munich, W. Goldmann, 2013. 351 p.

Информация об авторе

Кобенко Юрий Викторович, доктор филологических наук, профессор, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).
E-mail: serpensis@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2940-2233>; SPIN-код: 7822-2860

Information about the author

Kobenko Yu.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: serpensis@tpu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2940-2233>; SPIN-code: 7822-2860

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 31.03.2025; accepted for publication 26.09.2025